

Поздняя осень принесла тяжёлую сырость. Едва рассвело, лишь показалась бледная предутренняя полоска, Бянь Хун уже натянул на себя одежду и, затаив дыхание, тихо переступил через спящего мужчину. В этот миг он был осторожен до крайности, не коснулся даже уголка его одежды, словно боялся разбудить спящего хищника. Это оказалось труднее, чем думалось.

С трудом выбравшись за дверь, он остановился во дворе. Чистый горный воздух, холодный и резкий, обдал лёгкие, и Бянь Хун невольно поёжился.

Мир словно только-только пробуждался. На кривоватом старом вязе у ворот сидела пёстрая пухлая птица, вылетевшая из гнезда на поиски корма; расправив крылья и лениво потянувшись, она щебетала, поднимая ото сна дремавшие горы.

Бянь Хун медленно подошёл к колодцу, засучил рукава, поднял ведро воды и вылил в деревянный таз. Провёл рукой по поверхности - вода была ледяная. Он выдохнул, и в колыхании зеркальной глади показалось его нынешнее отражение.

Длинные пряди, закрывающие глаза; болезненная худоба; лицо без капли живого румянца. С того момента, как исчезла дорожная пыль и грязь, скрывавшая его вид по пути бегства, проступила поразительная белизна его кожи - разве что она одна, несмотря на войну и скитания, всё ещё выдавала в нём человека из иного, современного мира.

Бянь Хун умылся, зачёс волосы назад и, выдернув полоску старой тряпицы, кое-как перехватил ими прядь. Долго раздумывая, он понял: сидеть без дела в доме и ждать, чтобы его кормили, он не может. В голодный год, когда зерно ценится на вес золота, да ещё чужому человеку - он обязан сделать всё, чтобы не есть даром. Для него смерть - наименьшая из бед; а вот жить куда труднее.

К счастью, в обычном крестьянском хозяйстве работы действительно предостаточно. Бянь Хун тихо прошёл в кухню. Он огляделся, впервые так внимательно рассматривая дом. Семья не была нищей, но во всём угадывалась грубость и простота. Порывшись на полках и в нескольких деревянных бочонках, он убедился, что свежих овощей почти нет. На балке висели закопчённые куски неведомо чьего вяленого мяса; их обгорелый вид неприятно вызывал в памяти воспоминания, о которых он предпочёл не думать, и потому отвернулся.

В одном бочонке лежали крупные зёрна проса и красная фасоль, в плетёной корзинке под крышкой несколько картофелин разного размера. Из приправ имелась лишь соль да сушёный перец, сложенные в маленькие глиняные миски у края печи; края мисок были отбиты.

Вот и весь их запас пищи. По нынешним временам уже достаток, тем более что совсем недавно они ещё и выложили сто цзиней проса за невесту.

Бянь Хун не знал, чем именно занимается Жун Фэн, но по одному только его могучему телосложению было ясно: семью он с голоду не уморит. Подумав об этом, он невольно пожалел ту девушку, что сбежала, но всё же пришлось признать: у этого мужчины действительно есть

пугающая, давящая аура, а с его глазами и подавно. Сам Бянь Хун не страшился. После детдома, после того как его увезли в другую страну работать в шахте, он повидал людей всяких рас: синие, зелёные, серые глаза - какие угодно.

Но, если вспомнить, пожалуй, ни у кого не встречалось такого цвета, как у него: синевы чистой, словно светящаяся морская вода - слишком красивой, слишком странной, чтобы её принял здешний народ.

Бянь Хун присел у очага, подложил дров и сухой травы, потом воспользовался кремнем и высек огонь. Он сварил горшок каши, вымыл картофель, ровно нарезал его соломкой и замочил в воде, собираясь потом обсушить и обжарить с перцем. Но маслёнка в доме оказалась пустой, и Бянь Хуну ничего не оставалось, кроме как, зажмурившись, срезать крошечный кусочек жира с края копчёного мяса и вытопить его в котелке.

Когда промытые перец и картофельная соломка встретились на дне котла с горячим жиром, раздалось шипение, и в воздух поднялся ароматный дымок. Этот маслянистый, тёплый запах еды порой лучше всего умеет утешать сердце, особенно такое, как у Бянь Хуна - сердца странника без корней и без дома. Настроение его чуть улучшилось. Закончив готовить, он впервые позволил себе осмотреть место, где ему предстояло прожить до весны.

Позади двух соединённых между собой помещений - жилой комнаты и кухни - не было никакого забора, а тянулся ряд фруктовых деревьев. В тусклом рассветном свете Бянь Хун поднял голову: на ветвях, кажется, ещё висели красные плоды, только слишком высоко, чтобы разглядеть. Он наклонился, пошарил по земле и, правда, нашёл несколько ярко-красных ранеток и фиников. Поднёс их к глазам, вдохнул чистый, сладкий аромат.

А когда, ступая по сухим веткам и листве, он прошёл мимо ряда плодовых деревьев, то надолго застыл, поражённый открывшейся перед ним картиной.

За деревьями взору вдруг открылось необъятное пространство: череда горных кряжей, перемежающихся и напластованных друг на друга. Поднимающееся солнце разливалось алым заревом по лёгкой, струящейся между склонами дымке; гребни гор сменяли друг друга, образуя извилистый, будто сотканный из тумана, ущельный проход, тянущийся издалека прямо к его ногам. Вся эта дымная мгла, словно не раскрывшийся бутон, ждала, когда солнце взойдёт выше, чтобы рассеять последнюю полоску туманного света.

Бянь Хун не ожидал, что место, где живёт эта семья, окажется таким разным с двух сторон. Перед домом всё казалось обычным, но стоило заглянуть за него, и взгляд устремлялся вниз, охватывая едва ли не половину горного массива с его перепадами и уступами.

И позади дома было не пусто: чуть ниже, на склоне, стояла маленькая постройка с деревянным настилом-террасой, однако давно обветшавшая. Видно, там уже многие годы никто не жил. Ещё ниже, ступень за ступенью, тянулись террасные поля. Земля была вскопана, но большей частью поросла бурьяном. Урожай, вероятно, выходил скудный. Похоже, те несколько картофелин разного размера, что лежали в кухонном решете, были выкопаны именно отсюда.

В позднеосенней долине краски ложились густо и переливчато. Бянь Хун, пригнувшись под деревом, задрал лицо к небу и прищутив глаза, следил, как алое утреннее солнце, будто плавающий, дышащий жаром огненный шар, медленно поднимается между горными хребтами и воспламеняет собой всё небо.

Рассвело.

Жун Фэн в тот день проснулся чуть позже обычного. Он собирался было спуститься с лежанки, но, скользнув взглядом в угол, где обычно спал Бянь Хун, заметил, что тот пуст. Он немного подосадовал: сам-то всегда спит чутко, особенно в диких местах. Ни один шорох не ускользал от него, и благодаря этому он не раз обходил стороной смертельные ловушки.

А тут живой человек, лежавший с ним на одной кровати, исчез, а он даже не почувствовал. Жун Фэн долго ломал голову, но в конце концов решил, что всему виной ловкость самого Бянь Хуна. Но позже, когда Бянь Хун узнал об этом, лишь усмехнулся и сказал, что всё это ерунда, никакой он не мастер скрытности, просто этот человек с самого начала не воспринимал его всерьез.

Но сейчас Жун Фэн был действительно встревожен. Не потому, что боялся, что Бянь Хун уйдёт, не попрощавшись, а потому что человек, который способен на кане едва не задохнуться от собственного приступа, неизвестно сколько времени шатался по двору. Кто знает, что могло случиться.

Он одним движением спрыгнул с лежанки, распахнул дверь и вышел искать. Хотел было окликнуть его по имени, но, раскрыв рот, вдруг застыл.

Кстати... этот фулан, пришедший вместо дочери Ли-санлана... как же его зовут?

А за домом, под фруктовыми деревьями, Бянь Хун в одиночестве наблюдал восходящее солнце, понемногу откусывая сахаристые яблочки и полусухие финики. Щёки его, то ли от утреннего света, то ли от еды, чуть порозовели. Он уже поднялся, собираясь возвращаться, как вдруг столкнулся лоб в лоб с торопливо подбежавшим мужчиной.

У того тёмно-каштановые волосы были перехвачены у затылка, полностью открывая лицо: резкие, властные черты, хищная красота. Полукасстёгнутая одежда, медовый оттенок обнажённой груди, вздымающейся от быстрого дыхания - и всё это залито утренним светом, отчего он будто сиял золотистым ореолом.

Бянь Хун чуть отступил назад, увеличив расстояние между ними. Убедившись, что тот лишь молча смотрит на него, он опустил голову и, обойдя мужчину, направился обратно.

Жун Фэн смотрел ему вслед, пока тот не вышел из-за плодовых деревьев, и только тогда шумно выдохнул, провёл рукой по переносице и на миг закрыл глаза. Но едва он успел немного постоять, как тот самый ланцзюнь снова вернулся. Лицо по-прежнему без выражения, только

теперь на сгибе руки висела плетёная корзинка. Он подошёл и стал нагибаться, собирая упавшие на землю плоды.

Даже собирая плоды, он держался от него подальше. Жун Фэн некоторое время смотрел, потом и сам наклонился, чтобы помочь. Ранеток было немного, зато фиников более, чем достаточно. Большие руки Жун Фэна вскоре оказались полны. Он поднял взгляд и увидел, что корзинку ланцзюнь незаметно поставил между ними.

За это время Жун Фэн несколько раз порывался спросить, как же всё-таки зовут этого человека, но утро было слишком тихим, слышно было только, как ноги шуршат по сухим листьям, и почему-то язык так и не повернулся.

И только когда все плоды были собраны, ланцзюнь молча взял корзинку и направился назад. Дойдя до края фруктовой полосы, он оглянулся на всё ещё стоявшего столбом Жун Фэна и наконец раскрыл рот:

— Еда готова.

Так и не осознав как, Жун Фэн пошёл за ним следом. Когда он ел сваренную в самый раз кашу из проса и фасоли и хрустящую острую картофельную соломку, то всё равно не удержался и снова поднял глаза на Бянь Хуна.

Этот маленький ланцзюнь готовил удивительно вкусно.

Стоило матери Жун попробовать кашу, она сразу поняла: готовил не её сын, и за столом принялась без конца хвалить, как умело сделана еда. Простая трапеза вышла на редкость сытной и тёплой для всех троих.

И только после того, как она выпила лекарство, мать Жун, держась за руку Бянь Хуна, сказала сыну:

— Сяо Фэн, погода как? Если дождей нет, надо бы сводить невестку на гору почтить Шаньцзюня. У нас в доме прибыло людей, надо, чтоб дух горы об этом знал.

Лицо Жун Фэна выражало сомнение, но, увидев горячее желание матери, он всё же согласился.

Мать Жун обрадовалась:

— А не сходили бы вы в город? Сегодня там большой рынок. Как раз купите отрез ткани на новую одежду да что-нибудь в жертву Шаньцзюню. На обратном пути пройдёте мимо его камня, там и остановитесь.

Раз мать всё решила, Жун Фэн зашёл в дом, надел верхнюю одежду, взял широкополую шляпу, закрывающую лицо, и, полностью собравшись, встал у ворот и махнул Бянь Хуну:

— Пойдём.

За семь-восемь лет, что Бянь Хун прожил в этом мире, это был, пожалуй, первый раз, когда он шёл в город просто как человек, чтобы купить что-то нужное. В прошлый же раз, когда он вступал в город... то было после того, как войско противника покинуло его, перебив всех жителей. Тогда он вёл десяток уцелевших товарищей, и глаза видели лишь сплошные раны и горы трупов - мужчин, женщин, стариков, детей... Кровь, текущая по улицам красным потоком, окрашивая ров вокруг крепостной стены...

Дорога к городку была неблизкой. Бянь Хун шёл позади Жун Фэна, и всякий раз, когда тот думал, что спутник, должно быть, уже выбился из сил и захочет передохнуть, Бянь Хун лишь слегка качал головой. Его тело слишком привычно к долгим переходам - он именно на этих ногах, ведя за собой двух детей, прошёл через безлюдные земли, охваченные голодом, идя шаг за шагом почти целый сезон, пока не добрался сюда.

Ступни покрывали грубые мозоли, он почти не чувствовал боли.

В пути, обеспокоенный тем, что мать осталась одна дома, Жун Фэн решил идти быстрее и зашёл на станционный двор взять напрокат двух лошадей. Он собирался посадить ланцзюня на одну, а по пути поменяться местами. Но этот молчаливый юноша просто подошёл и хлопнул ладонью по шее самой высокой гнедой лошади, затем легко и уверенно вскочил в седло, устроился ровно, взял поводья, вскинул подбородок и спросил:

— В какую сторону ехать?

Теперь угол, под которым Жун Фэн смотрел на Бянь Хуна, изменился. Обычно он видел только вихор на его макушке и острую линию подбородка, глядя сверху вниз. А теперь, стоя рядом с лошадью, он должен был поднять голову, чтобы взглянуть на сидящего верхом Бянь Хуна.

Он увидел вишнёвые губы Бянь Хуна, спокойные чёрные глаза и маленькую красную родинку у линии шеи.

Бянь Хун давно не ездил верхом и лишь ждал, когда тот поднимется в седло и укажет направление, но неожиданно услышал совершенно сбивчивый вопрос:

— Как... тебя зовут?

Бянь Хун замер, потом, подумав, неловко отвёл взгляд в сторону.

— Минь Си.

<http://bllate.org/book/13502/1199891>